

Б. С. МЕЙЛАХ

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИРИКИ ПУШКИНА

(«Стансы» и «Друзьям»)

Политическая лирика Пушкина исключительно богата и по своему тематическому диапазону, и по жанровому составу. Среди его политических стихов выделяются прежде всего произведения, воодушевленные пафосом свободы и борьбы против деспотизма и крепостничества. Нет необходимости говорить подробно о роли, которую сыграли для декабристского движения и воспитания последующих революционных поколений «Деревня», ода «Вольность», послание «Чаадаеву», «Кинжал», элегия «Андрей Шенье», политические эпиграммы. Идеи борьбы — в форме прямой или иносказательной — определяют содержание и ряда написанных в период последекабрьской реакции произведений: здесь и прославленное послание «В Сибирь» и стихотворение «Арион» — аллегорическое подтверждение неизменности вольнолюбивых убеждений поэта.¹ К политической лирике принадлежат связанные с патриотической темой 1812 года и, вместе с тем, с внешнеполитической ситуацией 30-х годов «Бородинская годовщина» и «Клеветникам России», а также сатирические стихотворения, высмеивающие бюрократию николаевской России (как например «На выздоровление Лукулла»).

Лирика Пушкина, и в том числе лирика политическая, относится, как ни странно, к наименее изученным проблемам творческого наследия поэта. Немало ценных наблюдений содержится в работах о Пушкине и биографических очерках, но специального исследования о лирике Пушкина до сих пор нет. В общих характеристиках его поэзии зачастую сглаживается острота проблематики некоторых политических стихов, имеющих перво-

¹ Как установлено Т. Г. Цявловской, оно написано в годовщину казни декабристов.

степенное значение для изучения идейной эволюции поэта. Так происходит и со стихотворениями «Стансы» («В надежде славы и добра») и «Друзьям» («Нет, я не льстец, когда царю»), столь важными для понимания позиций Пушкина в первые годы царствования Николая I.

Как известно, реакционная критика в свое время препарировала стихотворения «Стансы» и «Друзьям» в духе легенды о примирении поэта с самодержавием и о его оценке Николая I как своего благодетеля и мудрого правителя государства. Такая интерпретация этих произведений нужна была для подкрепления лживой концепции о Пушкине, «смирившемся» после 1825 года и осознавшем «грехи молодости», т. е. отрекавшемся от декабристских традиций. Вульгарно-социологическая критика много лет спустя по существу приняла эту оценку, но, разумеется, не для восхваления, а для резкого порицания поэта как изменника традициям декабризма. Наконец, приверженцы теории «единого потока», особенно в пылу юбилейного славословия, вообще игнорировали сложность и противоречивость стихотворений «Стансы» и «Друзьям», утверждая, что их содержание определяется только стремлением добиться облегчения участи декабристов.

Даже в некоторых серьезных исследованиях о Пушкине проявляется тенденция к нивелировке содержания этих стихов и игнорированию истинной сущности замысла. Так, в биографии Пушкина, написанной Н. Л. Бродским, наряду с ценными и глубокими соображениями о политической позиции поэта содержится определение стихотворения «Друзьям» как «политического памфлета».² Подкрепляя свою оценку тем, что это стихотворение не было пропущено царем в печать, Н. Л. Бродский пишет: «Вся вторая половина стихотворения подлежала запрету с точки зрения власти потому, что в последних строфах подвергалась критике политическая система самодержавия и пропагандировались идеи декабризма».³ Но ведь Николай I наложил на стихотворение «Друзьям» резолюцию: «Cela peut courir, mais pas être imprimé» («Это может ходить по рукам, но не быть напечатанным»). Хотя Бенкендорф и сообщил в письме к Пушкину, что стихотворением «Друзьям» «его величество совершенно доволен», но программные установки стихотворения могли вызвать настороженность: Николая устраивала бы, конечно, только та часть, где говорилось, что поэт его «просто любил», что он (царь) «бодро, честно правит нами» и «втайне

² Н. Л. Бродский. А. С. Пушкин. Биография. Гослитиздат, М., 1937, стр. 507.

³ Там же, стр. 522.

милости творит». . . Но тем не менее стихотворение официально было разрешено к распространению «по рукам»: этого, конечно, не случилось бы, если бы в нем «подвергалась критике система самодержавия и пропагандировались идеи декабризма». Стихотворение действительно распространялось в значительном количестве рукописных копий (не только под заглавием «Друзьям», но и под другими названиями — «Стансы Пушкина», «Послание к друзьям», «Ответ», «Льстец», «Оправдание» — и вовсе без названия).

Если Н. Л. Бродский и другие исследователи приводят все же ряд интересных фактов, объясняющих мотивы обращения Пушкина к царю со «Стансами», то в некоторых комментариях к массовым изданиям сочинений Пушкина читатель дезориентируется краткими сообщениями о том, что «Стансы» и «Друзьям» связаны только с просьбами о помиловании декабристов.⁴

Колоссальная роль Пушкина в истории передовой русской литературы и освободительного движения настолько очевидна, что нет необходимости искажать истину, говоря об отдельных моментах его биографии, которые не укладываются в созданную отдельными литературоведами абсолютно «благополучную» и прямолинейную концепцию, игнорирующую сложность эволюции поэта. Такой подход к изучению классиков, при котором сглаживаются «острые углы», противоречит принципам марксистского литературоведения. Напомним, что Ленин, говоря об огромном значении Герцена в истории русской революции, защищая его от опошления либералами, отмечает и его колебания, упоминает его «бесчисленные слащавые письма в „Колоколе“ к Александру II Вешателю. . .»⁵ (хотя статья Ленина написана в связи с чествованием памяти Герцена — столетием со дня рождения!). Высоко ценя Некрасова, как поэта революционной демократии, Ленин не считал возможным скрывать от читателя, что лира поэта порой издавала «неверный звук». Без рассмотрения всей совокупности фактов, характеризующих деятельность писателя, не может быть научного исследования его пути. Конечно, было бы ошибочно концентрировать внимание на слабых сторонах взглядов и творчества классиков, раздувать именно эти стороны (подобно вульгарным социологам): речь идет только о требованиях объективного анализа в противоположность всякого рода субъективизму.

⁴ Кстати, речь могла идти не о «помиловании», а о смягчении участи ссыльных декабристов. «Стансы» написаны почти через полгода после объявления окончательного приговора членам тайных обществ.

⁵ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 12.

При изучении стихотворений «Стансы» (1826) и «Друзьям» (1828) необходимо учитывать своеобразие позиций Пушкина в эти годы, а также историю создания этих произведений, их «внутренний» замысел и объективное звучание.

«Стансы» несомненно явились трагической ошибкой поэта, и никакие ссылки комментаторов на строфу, где действительно содержится осторожный намек на необходимость смягчения участи декабристов, этой оценки стихотворения изменить не могут. Аналогия в «Стансах» между началом царствования Петра I и Николая, который еще до воцарения был известен как грубый солдафон, уверения в стихотворении «Друзьям», что он «бодро, честно правит» и достоин хвалы, — все это так не вяжется с обликом Пушкина, с его мужественным, трезвым умом, что до сих пор ощущаешь боль, читая строки о «славе» и «добре», ожидаемых от коронованного тюремщика. . . Понятно, что «Стансы» и «Друзьям» вызвали тревогу не только среди друзей Пушкина, близких к декабристскому лагерю, но и среди людей несравненно более умеренных по своим взглядам, например у Н. Языкова.⁶ Эти стихотворения были неправильно поняты ссыльными декабристами, не осведомленными о подлинном отношении Николая к Пушкину, как подтверждение того, что царь благоволит к поэту.

Мучительные ощущения, которые пришлось пережить Пушкину, знавшему о реакции прогрессивных кругов на эти его стихи (поэтому он, оправдываясь, и написал стихотворение «Друзьям»), обострялись и вследствие того, что из других, враждебных Пушкину кругов распространились клеветнические слухи о преклонении поэта перед личностью царя, своего мнимого «благодетеля» (в донесении Фон-Фока Бенкендорфу с удовлетворением упоминались подслушанные тайными агентами разговоры по поводу «особенного попечения государя об отличном поэте Пушкине»). Передавали, что «Стансы» написаны Пушкиным «в присутствии государя, в кабинете его величества».⁷ Это утверждение опровергается дошедшим до нас черновиком «Стансов» с датой 23 декабря 1826 года (Пушкин же был на приеме у Николая в Чудовском дворце 8 сентября 1826 года). Характерен и распространившийся слух о том, что Пушкин написал «Стансы» по заказу свыше. Эта легенда имела длительное хождение, и даже в 1855 году А. В. Дружинин повторил ее, заметив, что «Стансы» — стихи

⁶ См.: «Исторический вестник», 1883, декабрь, стр. 527.

⁷ «Русская старина», 1890, декабрь, стр. 747—748 (письмо А. И. Тургенева А. И. Михайловскому-Данилевскому от 10 января 1828 года).

«на заданную тему» и родились «в четверть часа»⁸ (опровержением подобных слухов и является первая строфа стихотворения «Друзьям», смысл которой в том, что «Стансы» представляют собою «хвалу свободную», т. е. написаны не по заказу или принуждению). Но «жужжанье клеветы лукавой» этим не ограничивалось: враги поэта распространяли гнусную эпиграмму, где он объявлялся ренегатом, который прежде «вольность проповедал», а затем стал «придворным лизоблюдом». Конечно, все это не имело ничего общего с отношением к Пушкину действительных приверженцев «вольности», отношением всей передовой России, которая, сожалея по поводу появления стихотворений «Стансы» и «Друзьям», продолжала видеть в нем свою надежду, своего властителя дум. Наличие такого отношения к Пушкину с прискорбием констатируется и во «всеподданнейших отчетах» за 1827—1830 годы, где мы читаем: «Кумиром партий, пропитанных либеральными идеями, мечтающих о революции и верящих в возможность конституционного правления в России, является Пушкин».⁹

Перейдем к рассмотрению замысла и содержания «Стансов».

Следует подчеркнуть, что «Стансы» написаны именно как *поучение* Николаю: так звучит и обращенный к нему призыв быть подобным Петру в своей государственной деятельности, призыв сеять просвещение, исходить во всем из понимания великого предназначения страны. Поучением являются и заключительные слова, связанные с так волновавшим Пушкина вопросом о дальнейшей судьбе декабристов.

Почему Пушкин решил, что наступил подходящий момент для подобных поучений?

Прежде всего, основание для возникновения подобных иллюзий дал сам Николай, который просил Пушкина представить свои соображения и предложения о воспитании юношества, т. е. о «предмете», имеющем большое государственное значение. Напоминание об этом поручении царя, Бенкендорф писал Пушкину 30 сентября 1826 года: «... вам представляется совершенная и полная свобода, когда и как представить ваши мысли и соображения». О готовности выслушивать всякого рода предложения говорилось и в манифесте Николая от 13 июля 1826 года (демагогический характер которого обнаружился позднее), где утверждалось, что в порядке постепенного «усовершеня» «всякая мысль к утверждению силы законов, к расширению истинного просвещения и промышленности, достигая к нам путем

⁸ «Библиотека для чтения», 1855, т. 130, № 3—4, стр. 46.

⁹ «Красный архив», т. 37, стр. 217 (ежегодные отчеты III отделения и корпуса жандармов).

законным, для всех отверстым, всегда будет принята... с благоволением». Немалую роль в возникновении иллюзий о реформаторских настроениях Николая I сыграли и такие тактические шаги, которыми он ознаменовал свое вступление на престол, как отставка Аракчеева и учреждение секретного комитета для проведения некоторых важных мероприятий в области государственного управления, политики, просвещения. К тому же Николай во время аудиенции Пушкину обещал освободить его произведения от цензуры. Как известно, Николай настолько умело играл вначале роль «нового Петра», что внушил даже некоторым из заключенных декабристов такого рода представления о себе.¹⁰ Судя по рассказам современников, нечто подобное Николай пытался внушить и Пушкину.

Эти факты в разной связи приводились в биографиях Пушкина при характеристике его отношения к Николаю I после возвращения из ссылки. Следует, однако, поставить вопрос: как могли сочетаться верность Пушкина традициям декабристов, преклонение перед ними (так ярко выраженные в послании «В Сибирь») со «Стансами» и стихотворением «Друзьям»?

Возможность такого сочетания заключалась в противоречиях дворянской революционности, на разных этапах своего развития обнаружившей элементы либерализма. Для понимания замысла «Стансов» и стихотворения «Друзьям» существенно с этой точки зрения напомнить, что в эти годы не только у Пушкина преданность памяти декабристов, преклонение перед ними сочетались с надеждами на то, что Николай осуществит свои обещания улучшить положение страны. Характерно, например, знаменитое нелегальное произведение В. Розалион-Сошальского «Рылеев в темнице» (1826), где нарисован героический образ казненного декабриста, не пожалевшего жизни в борьбе против деспотизма. Но здесь же автор вкладывает в уста Рылеева поучения Николаю I, призывы к царю «покориться великому народу, источнику и хранилищу власти». В революционной прокламации, распространявшейся в 1831 году от имени А. П. Ермолова (но на самом деле к нему никакого отношения не имевшей), «горячо восхвалялись декабристы как «первые герои свободы нашей». Однако, обличая Николая I, автор прокламации, между прочим, заметил, что царь «обольщен гнусными советниками».

¹⁰ Например, А. Бестужев писал Николаю I из крепости, приветствуя его обещания произвести перемены в положении страны: «Я уверен, что небо даровало в Вас другого Петра Великого...». Обещаниями произвести решительные реформы Николай обманул и Каховского (о чем свидетельствует письмо к царю вскоре затем казненного декабриста).

Иллюзорные надежды на возможность крупных реформ, совершаемых «по манию царя», возникали и позже: о том, что возникновение их не было только субъективной особенностью взглядов тех или иных деятелей, а коренилось в общих исторических условиях периода дворянской революционности, свидетельствуют и позднейшие обращения Герцена к Александру II (кстати говоря, эпиграфом к такому обращению, напечатанному в первой книге «Полярной звезды» 1855 года, Герцен взял строки из стихотворения Рылеева «Видение», где содержалось наставление будущему императору).

В стихотворении «Друзьям» Пушкин обосновывал выступление со «Стансами» как выполнение общественного долга, как проявление гражданского мужества. Утверждая независимость своей позиции, Пушкин указывал на обстоятельства, при которых поэта можно было бы назвать льстецом: это были бы призывы к «презрению народа», к подавлению просвещения и ограничению «милости». Несмотря на ошибочность политической тенденции «Стансов» и «Друзьям», отождествление выраженной здесь позиции Пушкина с позициями реакционного дворянства (а такое отождествление имело место в некоторых литературоведческих работах) совершенно не обосновано. Стихи Пушкина, поучавшие царя, не сливались с потоком восхваления Николая прежде всего потому, что реакционеры неизменно восхваляли его как спасителя России от «язвы революции». Симптоматично, например, что С. Висковатов в гнусных стихах, воспевавших Николая и поносивших декабристов как «жертв геенны», использует с противоположным смыслом фразеологию пушкинской оды «Вольность». Висковатов писал о декабристе:

Его душевна казнь объемлет,
Ему громами вслух гремит
Проклятие из рода в роды,
Он ужас Неба, срам Природы!
Страшилище Вселенной всей!¹¹

Ср. в оде «Вольность» о «самовластительном злодее»:

Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле.

Учитывая распространенность пушкинской оды «Вольность», можно не сомневаться, что Висковатов, сознательно перефрази-

¹¹ С. Висковатов. Его Императорскому Величеству Государю императору Николаю Павловичу, Самодержцу Всероссийскому. «Новости литературы», 1826, февраль, стр. 36.

руя ее строки, подчеркивал внутреннюю полемичность своей оды по отношению к Пушкину.

В условиях последекабрьской реакции актом гражданской смелости был намек в «Стансах» на необходимость смягчения участи декабристов: ведь тогда в печати и в дворянском общественном мнении господствовала совершенно противоположная тенденция — восхваление милосердия государя, который «заменил» четвертование пяти вождей восстания повешением и т. д. Обобщая толки по этому поводу, Фон-Фок писал Бенкендорфу, что многие осуждают «снисхождение» членам тайных обществ, «находят, что следовало бы строже наказывать».¹²

Призыв Пушкина к Николаю быть «памятью незлобным» и его же слова о «льстецах», которые стремятся ограничить право государя на «милость», приобретают историческую конкретность, если сопоставить их с следующими строками доклада, представленного Николаю верховным уголовным судом по делу декабристов и отклонявшего возможность «милосердия»: «хотя милосердию, от самодержавной власти исходящему, закон не может положить никаких пределов, но верховный уголовный суд приемлет дерзновение представить, что есть степени преступления столь высокие и с общей безопасностью государства столь смежные, что самому милосердию они, кажется, должны быть недоступны». О боязни выразить даже малейшее сочувствие осужденным говорится и в дошедших до нас мемуарах современников.

Особенности замысла стихотворений «Стансы» и «Друзьям» не могут быть раскрыты, если не напомнить два имени: Державина и Рылеева. Совершенно несомненна связь пушкинских стихов с традицией Державина и с стихами Рылеева того периода, когда будущий вождь «Северного общества» еще не исключал возможности поучений царям с целью склонить их к «общему благу».

В думе «Державин» Рылеев превозносил Державина за то, что он был «органом истины священной», «певец народных благ», «судьям... правду говорил». В примечании к думе «Державин» об этом поэте (путем искусной выборки цитат из отзыва Мерзлякова) сказано: «Он был Гораций у своей государыни... Державин хвалит, укоряет и учит... Он возвышает дух нации и каждую минуту дает чувствовать благородство своего духа...». К традиции, допускающей обращение к царю с поучением, относится в пушкинских «Стансах» упоминание Я. П. Долгорукого, одного из ближайших сотрудников Петра,

¹² См.: «Русская старина», 1881, № 9—11.

гражданская смелость которого как человека, говорившего правду царю, восхвалялась не только в «Вельможе» Державина, но и в оде Рылеева «Гражданское мужество» (Якову Долгорукому была посвящена Рылеевым и отдельная дума, при жизни не напечатанная). Прославление Рылеевым гражданского доблести как Якова Долгорукого, так и Державина явилось выражением свойственной декабризму тактики использования, наряду с подпольной работой, легальных возможностей давления на правительство. С этой тактикой Рылеев порвал, когда окончательно перешел на республиканские позиции. Но в стихах, идеализировавших образы Якова Долгорукого и Державина, основной пафос — это пафос гражданского поэта, борца с реакцией, врага тиранов и притеснителей народа. «Новым Долгоруким» назвал Пушкин Н. С. Мордвинова в стихотворении 1826 года, посвященном этому государственному деятелю (который, как известно, высказывался против казни декабристов).

Для того чтобы составить представление о традициях, продолжая которые Пушкин, с его точки зрения, не только не отступал от своих убеждений, но следовал призыванию поэта-гражданина, нужно напомнить и такой факт. В 1822 году друг Пушкина В. Ф. Раевский, будучи арестованным, написал стихотворение «К друзьям», где, перечисляя темы, на которые, по его мнению, должен был отозваться Пушкин, говорил, обращаясь к нему:

Воспой величие царей,
Их благость должную к народу,
В десницах их его свободу
И право личное людей.

.
Быть может смелый голос твой
Дойдет до кесаря молвою,
Быть может с кротостью святою
Он бросит не суровый взор
На мой ужасный приговор. . .

Речь, следовательно, шла о том, что Пушкин своим смелым обращением к царю, «воспев» тех царей, которые в прошлом проявили «благость должную к народу», вместе с тем помог бы смягчить грозивший Раевскому суровый приговор. Нельзя не заметить совпадение этого совета «первого декабриста» с замыслом «Стансов». Правда, позже Раевский переделал эту часть своего послания (известного Пушкину в приведенной выше первой редакции¹³) таким образом, что в ней

¹³ Достоверность текста этой редакции была ошибочно заподозрена М. А. Цявловским в статье «Эпигоны декабристов» («Голос минувшего»,

исчезли и советы воспеть «величие царей», и мотив возможного помилования: вместо них появилась гневная характеристика самодержавия. Но тем не менее Пушкин, столько размышлявший о Раевском, конечно помнил его бывшие призывы, которые так сходны с замыслом «Стансов», что могут показаться их программой. Кроме того, ведь и ода «Вольность», заканчивавшаяся поучением царям («И днесь учитесь, о цари! . .»), вызывала тем не менее одобрение вольнолюбивых друзей Пушкина и не воспринималась тогда как отход от принципов гражданской поэзии.

Поэтому, когда Пушкин писал, защищаясь от упреков друзей, свое стихотворение «Нет, я не льстец», — то он намеренно ввел в него некоторые мотивы и формулы, близкие стихотворениям Державина и Рыльева, желая этим подчеркнуть, каким именно поэтическим традициям он в данном случае следовал. Так, в первой строфе стихотворения «К друзьям» слова «Языком сердца говорю» являются цитатой из знаменитого произведения Державина «Лебедь», посвященного роли поэта и его бессмертию:

Вот тот летит, что строя лиру,
Языком сердца говорил...¹⁴

Слова Пушкина:

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,

связаны с сентенцией из стихотворения Державина «Храповицкому» (который, по словам Державина, упрекал его в лести):

Раб и похвалить не может,
Он лишь может только льстить.

Вопрос о независимости литературы не впервые возникал у Пушкина в связи с размышлениями о Державине. Пушкин еще в 1825 году в письме А. А. Бестужеву с гордостью писал: «Наши таланты благородны, независимы. С Державиным умолкнул голос лести — а как он льстил?»

О вспомни, как в том восхищеньи
Пророча, я тебя хвалил:
Смотри, я рек, триумф минуто,
А добродетель век живет».

1917, № 7—8, стр. 85 и 89). Однако, убедившись затем в ошибочности своих сомнений (достоверность этой редакции подтверждается также копией из бумаг А. Ф. Вельмана), М. А. Цявловский впоследствии снял свои возражения (см.: «Временник Пушкинской комиссии», т. 6, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1941, стр. 44).

¹⁴ Эта реминисценция впервые отмечена Н. А. Бродским (А. С. Пушкин. Биография. М., 1937, стр. 510).

Этими словами Державина Пушкин как бы подтверждал свою излюбленную идею о высоком назначении поэта, для которого немислима лесть, который волен в своем суждении о властителях.

Мотивы стихотворения «Друзьям» близки и думе Рылеева «Державин», посвященной теме предназначения поэта. В представлении Рылеева поэт — «служитель избранный творца» (ср. в стихотворении Пушкина «Друзьям»: «небом избранный певец»). Но более всего сходны поучения, с которыми Пушкин обращался к Николаю, с поучениями, которые содержатся в оде Рылеева «Видение» (1823), адресованной цесаревичу Александру: ¹⁵

... Люби народ, чти власть закона...
 ... Твой долг благотворить народу,
 Его любви в делах искать;
 Не блеск пустой и не породу,
 А дарованья возвышать.
 Дай просвещенные уставы,
 Свободу в мыслях и словах,
 Науками очисти нравы...

 Люби глас истины свободной,
 Для пользы собственной любви,
 И рабства дух неблагородной —
 Неправосудье истреби.
 Будь блага подданных ревнитель:
 Оно есть первый долг царей;
 Будь просвещенья покровитель:
 Оно надежный друг властей.

 Старайся дух постигнуть века,
 Узнать потребность русских стран...

Близость программы, начертанной здесь Рылеевым, пушкинским «Стансам» и стихотворению «Друзьям» очевидна.

Итак, можно заключить, что, задумав «Стансы», Пушкин несомненно не только не предполагал, что они могут быть восприняты как отступление от позиций «поэта-гражданина», но был уверен в обратном. При оценке «Стансов» и «Друзьям» ни о каком «рenegатстве», «разрыве» с прошлым, как это утверждали вульгарные социологи, не может быть и речи. Обманутый Николаем, Пушкин ошибся в своих надеждах на его реформа-

¹⁵ Ю. Г. Оксман справедливо отмечает, что политические иллюзии, отразившиеся в этом стихотворении, Рылеев изжил лишь после вступления в «Северное общество» осенью 1823 года (см.: К. Ф. Рылеев. Стихотворения, статьи, очерки, докладные записки, письма. Гослитиздат, М., 1956, стр. 359).

торскую деятельность. Но корни его ошибки — в противоречивости, в слабых, просветительских элементах дворянской революционности, в отсутствии связи с народом, в иллюзорных представлениях о возможности коренных «перемен» волею «единовластителя», в переоценке роли «общего мнения» для общественного развития.

В истории литературы немало случаев, когда субъективные намерения, которыми руководствуется писатель, порой не совпадают с объективной функцией тех или иных его произведений. Так произошло и со стихотворениями «Стансы» и «Друзьям». Эти произведения не только сыграли отрицательную роль в условиях последекабрьской реакции, но на некоторое время породили в прогрессивных кругах ложные представления об отношении Николая к Пушкину (якобы благожелательном) и о политических позициях поэта. Однако Пушкин уже в те годы стал на путь преодоления иллюзий как по отношению к царю,¹⁶ так и в понимании путей движущих сил исторического прогресса. Демократизация творчества Пушкина и пристальный интерес к народным движениям, нашедший вершинное выражение в «Истории Пугачева» и в «Капитанской дочке», с достаточной ясностью свидетельствуют об основной тенденции этой эволюции.

¹⁶ «В нем много от прапорщика и немножко от Петра Великого», — писал Пушкин в дневнике 1834 года, отказываясь тем самым от выраженных в «Стансах» надежд на то, что Николай может быть «прашуру подобен».

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
XVIII-XIX ВЕКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД

1 9 5 9